
СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.48

О.А. Андриенко

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ: ПРИЧИНЫ, СЛЕДСТВИЯ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется природа социальных конфликтов международных благотворительных проектов с помощью обращения к конфликтологии, дается различие между эгоистической и альтруистической мотивациями, на основании которых действует благотворитель. Исследуется благотворительный акт с точки зрения семиотики, а также разрабатывается методология путей решения конфликтных ситуаций между благотворителями и получателями на основании анализа культурных, социальных и психологических показателей, характерных для современного общества.

Ключевые слова: эгоизм, альтруизм, просоциальное поведение, социальный конфликт, картина мира, социальная роль, благотворительность, эмпатия.

Oksana Andrienko

SOCIAL CONFLICTS IN CHARITIES: REASONS, CONSEQUENCE SAND WAYS OF SOLVING THEM

Annotation. The article deals with the origin of social conflicts of international charities by addressing to a science of conflictology, it also emphasizes the difference between egoism and altruism related motivation of the parties involved into a charity process; it argues about the charity act in terms of semiotics and shows the ways of solving these problems in accordance to cultural, social and psychological features which reflect the modern society.

Keywords: egoism, altruism, prosocial behavior, social conflict, worldview, social role, charity, empathy.

Успех благотворительных программ – это производное от социального капитала, под которым в социальных науках подразумевается способность членов сообщества к самоорганизации в решении общественно значимых задач. Термин впервые был использован П. Бурдье в статье «Формы капитала», где он, в частности, дает такое определение социальному капиталу: «агрегация действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включениями в прочные сетевые или более или менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [1]. Р. Патнэм рассматривал социальный капитал, объединяя в этом понятии три аспекта – нормы взаимности, доверие и социальные сети. Он писал: «Социальный капитал относится к характеристикам социальной организации, таким, как доверие, нормы, которые могут улучшить эффективность общества» [23].

Просоциальное поведение в благотворительности.

С категорией социального капитала связано понятие просоциального поведения, которое охватывает все положительные формы социальных действий, имеющие своей целью пользу или выгоду других.

Проблемами просоциального поведения занимался С. Линденберг, голландский ученый и профессор когнитивной социологии. Он выделяет нескольких видов просоциального поведения: сотрудничество, справедливость, альтруизм, надежность (trustworthiness), уважительность к интересам других [22]. Все выделенные им виды просоциального поведения объединяет сходство в принципах избирательной чувствительности по отношению объектам, ситуациям и принципах действия, наиболее эффективных в осуществлении целей. Совокупность цели и когнитивной установки С. Линдберг назвал фреймом. Фреймы являются производными от «ментальной модели», или «картины мира» акторов, вовлеченных в благотворительный проект. Система фреймов просоциального поведения формируется под влиянием внутренних и внешних факторов: индивидуально-личностных черт, присутствующих человеку, и нормативных ценностей, организующих социальное пространство. К первым относится эмпатия, когнитивные навыки, локус контроля, ко вторым – культурные убеждения, социальный статус.

Локус контроля – понятие, обозначающее склонность индивида приписывать свои успехи или неудачи внутренним либо внешним факторам. Внутренний локус контроля отличает психологически зрелую личность и качественно характеризует все виды просоциального поведения.

Х. Хекгаузен, представитель немецкой школы гештальт-психологии, к списку видов просоциального поведения С. Линденберга добавляет еще один – помогающее поведение, определяемое им как действия, направленные на благо других и за которые не предусматривается каких-либо внешних вознаграждений. Оно включает в себя такие действия, как делиться, дарить, помогать, подбадривать [19]. Чаще всего решение об оказании помощи принимается под влиянием эмоциональных факторов: переживание сострадания к нуждающемуся в помощи, ощущение чувства долга оказать помощь.

Альтруизм и эгоизм: две компоненты помогающего поведения.

Мотивы помогающего поведения можно классифицировать в соответствии с их моральной ценностью. Обычно различают альтруистическую и эгоистическую мотивацию [5]. В основе помогающего поведения самого высокого морального уровня лежит альтруистический мотив, когда люди желают сделать хорошее дело, помочь, действуют от чистого сердца, желают сделать мир лучше. Эгоистическая мотивация состоит в оказании помощи другим ради приобретения выгоды, признания или избегания позора. Такое поведение связано с надеждой на взаимную помощь, с желанием получить благодарность, снять негативное ощущение (тяжесть) от созерцаемого состояния нуждающегося в помощи.

Американский социальный психолог, профессор Мичиганского университета, Ч. Кули писал, что эгоизм – это пренебрежение определенными ситуациями или их оценка, которая расходится с пониманием ситуации большинства людей. Таким образом, человек задевает чувства людей. Эгоизм – это «неспособность подчинить свои чувственные влечения социальным нормам, а это, несомненно, происходит из-за скудости воображения, которое и должно побуждать к такому подчинению» [10].

В развитии просоциального поведения важную роль играет эмпатическая установка, запускающая альтруистическую мотивацию. Этот термин ввел американский социальный психолог Д. Батсон, определяя его как «ориентированный на другого человека эмоциональный ответ, индуцированный и совпадающий с предполагаемой ответной реакцией того, кто в этом нуждается. Эмпатическое беспокойство о другом ориентированно на то, что оно включает в себя чувство для другого. Оно включает в себя чувства симпатии, сострадания, нежности» [21].

Ч. Кули в свое время использовал эквивалентный термин «симпатия», подразумевая «способность разделять любое ментальное состояние» [цит. по 8]. Для понимания человека, находящегося в трудном положении, уже достаточно, чтобы симпатизировать ему. Для этого не обязательно человека

жалеть, так как, согласно Ч. Кули, жалость – сложная эмоция, которая иногда является позитивной, а иногда – псевдо-сочувствием. «Симпатия – это необходимый атрибут социальной способности. Только в той степени, в которой человек понимает других людей и тем самым жизнь вокруг себя, он ведет сколь-нибудь полноценное существование» [цит. по 8]. Способность к эмпатии определяет моральный облик человека, позволяет судить о его доброте и справедливости.

Альтруизм – это особая форма просоциального поведения, целью которой является помощь другому человеку без ожидания собственных выгод. История разработки категории альтруизма своими корнями уходит в философию морали. Термин впервые был предложен философом-позитивистом О. Конттом, использовавшим его в значении, противоположном эгоизму. О. Конт писал: «Альтруизм есть истинное основание личной морали» [9]. О. Конт ставил общественные интересы выше личностных.

И. Кант рассуждал на сходную тему, когда говорил о категорическом императиве, суть которого сводил к следующему: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [7]. Стремление быть достойным счастья, по И.Канту, – главная цель общества, при этом данная цель может быть осуществлена посредством выполнения долга, имеющего форму категорического императива. Выполнение долга предполагает бескорытность. Если делать для общества нравственно положительные вещи, не задумываясь о собственной выгоде, то мир станет лучше.

Размышляет на эту тему и русский философ В. Соловьев. Разбирая природу жалости в своем труде «Оправдание добра», Соловьев находит ее источник в «органической связи всех существ» и альтруизме. Если данная связь разрывается, то наступает отчуждение, и на смену альтруизму приходит эгоизм. Благодаря жалости мы обнаруживаем правду и справедливость. При этом жалость выявляет «отрицательное неравенство» (тот кого я жалею находится в худшем положении, чем я). «Положительным неравенством» в этом случае можно назвать благоговение – религиозное чувство в человеке, которое исходит из благодарности и факте того, что всегда имеется авторитет в виде родителя или Бога [17].

«Отрицательное неравенство» подразумевает превосходство помогающего над тем, кому он оказывает помощь. Однако данное понятие является негативным в случае, когда благотворитель, будучи состоятельным человеком, помогает не ради общего блага, а ради своей же выгоды, чтобы, например, побороть чувство вины или чтобы вернуть себе былую славу, или чтобы поработать на свой имидж.

Цель любого благотворительного проекта основана на принципе просоциального поведения и альтруизме, подразумевая акт помощи нуждающемуся без проявления эгоистической мотивации. Однако ввиду разного рода причин иногда благотворительные проекты претерпевают некоторые сложности в отношении поведения акторов, вовлеченных в проект, и это способствует ухудшению продуктивности проекта, порождая социально-психологические конфликты внутри социального поля благотворительного проекта.

Причины социальных конфликтов.

Социально-психологический конфликт (*от лат. conflictus – столкновение*) – это квинтэссенция давления противоречий в отношениях между индивидами, принадлежащими к одной или нескольким социальным группам. Отсутствие согласия – основной признак конфликта [16].

Одновременно с этим социальный конфликт является своего рода платформой и катализатором для пересмотра ценностей благотворительного проекта, а также его модификации. Таким образом, социальный конфликт может быть либо разрушительным, если компромисс не будет найден, или созидательным, если его основа послужит для укрепления отношений между субъектами благотворительного акта.

Причины социального конфликта в функционировании благотворительного проекта:

- 1) различные картины мира акторов;
- 2) стремление одного из акторов проекта осуществить свои интересы в ущерб всех остальных акторов;
- 3) разные социальные роли акторов или побуждение одного или нескольких акторов играть несоответствующие их ожиданиям роли;
- 4) принадлежность акторов к разным культурам.

Ученые-конфликтологи по-разному оценивают сущность конфликтов. Так, Г. Зиммель полагал, что абсолютный мир, возможно, где-то и существует, однако пока не открыт нашим глазам, а конфликты многогранны, они помогают обществу социализоваться, что является их судьбой в жизни, которая является своего рода «борьбой в абсолютном смысле» [4].

Р. Дарендорф, работавший в русле диалектической теории, писал, что для общества характерен конфликт в целом и что противодействие сторон в обществе является обыденным состоянием социального организма. Ученый писал: «Именно поэтому в конфликте находится творческое ядро всяких сообществ и возможность свободы, а также вызов рациональному овладению и контролю над социальными проблемами» [2]. Продолжатель теории Г. Зиммеля, Л. Козер, также искал в социальных конфликтах стимул к преобразованию и созиданию, а также к сохранению устойчивости социальной общности. Сам Л. Козер в своей работе «Функции конфликта» писал, что конфликт существует, чтобы сохранить систему отношений индивидов, так как он помогает проявить истинные эмоции, включая и негативные, что является способом разрешения конфликта. «Обеспечивая свободный выход сдерживаемым враждебным эмоциям, конфликт служит сохранению групповых отношений» [8].

Л. Козер является, пожалуй, самым глубоким аналитиком социальных конфликтов. Особую остроту ему придает совмещение единства и противостояния в таких отношениях. Враждебность порождает тем более глубокие и острые реакции, чем глубже взаимная вовлеченность враждующих сторон. В отличие от представителей теории структурного функционализма, которые полагают, что конфликты нужно рассматривать вне социальной системы как нечто несвойственное для нее, Л. Козер доказывает, что конфликты проистекают из жизни самого общества, таким образом, акцентируя внимание на их стабилизирующей роли для социальной системы.

Одним из ярких представителей конфликтного функционализма являлся Т. Парсонс, понимавший конфликт как нарушение или дестабилизацию общества, называя конфликт неестественным и даже аномальным явлением, патологией и социальной болезнью, с которой необходимо бороться. Т. Парсонсом была введена теория социального порядка, где господствовал консенсус как инструмент разрешения конфликтов [14]. Как бы то ни было, теория о стабилизирующей общество роли конфликтов является более оправданной, так как, придя к разрешению конфликта, группа добьется эффективных результатов, направленных на развитие благотворительности.

Пути решения конфликтов в благотворительных программах.

Рассмотрим каждую причину социальных конфликтов и предложим пути их решения.

1. Различные картины мира акторов.

Картина мира – это совокупность определенных знаний о миропорядке, свойственная индивиду сообразно с его когнитивной системой, зависящей от нравственных, культурных, социальных аспектов его жизни, которые на эту систему влияют. Картина мира у индивида состоит из объективных и субъективных знаний. Объективные знания – это общепризнанная информация о разных сферах жизни – математика, история, языки. Субъективные знания – «это ценности и их иерархии, семантические конструкты типа «норма», «казуирование» и другие когнитивные структуры, обобщающие опыт индивида и социума» [6].

При интеракции друг с другом люди подсознательно используют разные материалы, чтобы приспособить свою картину мира к чужой, чтобы определить некие символы, договоры о речи, как

устной, так и письменной, чтобы произошел процесс взаимопонимания. «Суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, «моделей мира», которые определенным образом соотносятся с «моделями мира» говорящего» [20].

Однако бывают случаи, когда прежняя информация не хочет адаптировать новое знание от постороннего лица, так как для любого когнитивного изменения, любой трансформации прежнего знания необходимо потратить интеллектуальные ресурсы. Если новое знание противоречит старому, то человек испытывает психологический дискомфорт, который ученые называют когнитивным диссонансом. Эта ситуация вызывает у человека желание уменьшить или вообще устранить диссонанс. Избавиться от него можно двумя способами: уменьшить значимость новой информации либо принять новые знания, «встроив» их в свою картину мира. Например, в случае с функционированием международных благотворительных программ многие благотворители являются гражданами стран, отличных от тех, кому они помогают. Таким образом, вопрос, возникший, исходя из вышеприведенной ситуации, заключается в следующем: возможна ли эффективная коммуникация при отсутствии единого смыслового поля для понимания целей и задач организации и отсутствии одинаковых ролевых ожиданий? Ответ: возможна, если адаптировать и расширить природу конфликтов в социальной сфере, расширив собственное мышление и сознание. Как утверждает российский политолог и философ А. Неклесса, «для усвоения этого надо немножко быть клаудвочером, человеком воздуха – еще одна лексема, получившая некоторое время назад второе рождение. В процессах сложного образования (а отнюдь не только обучения) происходит (или не происходит) усложнение внутренней организации индивида, адекватное той среде, которая и есть сложный мир» [13].

Межличностная коммуникация поможет достигнуть консенсуса и помочь обществу стать здоровым и готовым к принятию новых идей с помощью апелляции к экзистенциальным потребностям человека и его духовной сути в обход культурных стереотипов.

2. Стремление одного из акторов проекта осуществить свои интересы в ущерб всех остальных акторов.

Модель эгоистической мотивации неизбежна, когда человек только осваивает социальные нормы. В таком случае его нужно обучать методом поощрений и наказаний, заставляя думать о последствиях социально неодобряемого поведения. Данная модель характерна для индивидов, только начавших свою благотворительную деятельность или для тех, кто продолжает преследовать корыстные цели. Иногда данная модель является причиной социальных конфликтов между отдающими и реципиентами, когда, не имея возможности проявить альтруистические качества, отдающие жалуются на реципиентов, не понимая, почему они не получают желаемого ими результата, а, наоборот, страдают от того, что реципиент не ведет себя согласно ожиданиям благотворителей. Важнейшую роль в просоциальном поведении играет мотивирующее состояние индивида. Так как его источником могут быть два диаметрально-противоположных состояния – альтруистическое и эгоистическое, как мы выяснили, оба состояния являются катализаторами к просоциальному поведению, имеется существенное отличие в их функциональности: если при мотивации альтруистической благо того, кому помогают, является конечной целью отдающего, не стремящегося получить ничего в качестве вознаграждения, то при эгоистической мотивации это благо является всего лишь средством для получения выгоды отдающему. Здесь поможет эмпатия, так как она выполняет важнейшую роль инструмента для активизации альтруистической мотивации, которая в свою очередь порождает просоциальное поведение. При отсутствии эмпатии возникает непонимание и негативная эмоциональная динамика в коммуникации с контрагентом.

Важную роль в преодолении конфликта и развитии просоциального поведения является совместная работа над общей целью и взаимное обучение собственным примером бескорыстной помощи.

3. Разные социальные роли акторов или побуждение одного или нескольких акторов играть

несоответствующие их ожиданиям роли.

Межролевой конфликт возникает, когда индивид, в силу обстоятельств, вынужден исполнять несколько несогласующихся или даже противоречащих друг другу социальных ролей. Т. Парсонс писал, что социальные конфликты случаются при несовпадении ожиданий от акторов по поводу их предполагаемых социальных ролей: «Реакция «другого» будет различной в зависимости от выполнения или невыполнения его ожиданий – выполнение ведет к вознаграждениям и (или) благоприятным установкам; невыполнение приводит к обратному» [15]. Например, в случаях долгосрочных благотворительных программ помощи детям из малообеспеченных семей иногда происходит конфликт благотворителей с самими детьми потому, что принимающие русских детей иностранные семьи (испанцы, итальянцы и др.) начинают играть социальную роль родителей, хотя у детей уже есть семья в России, поэтому несовпадение ролевых ожиданий порождает социальный конфликт – дети хотят видеть в лице той же испанской семьи друзей, но не родителей. Испанцы же начинают обижаться от того, почему дети их не слушаются, когда они исполняют роль родителей. В данном конфликте важно наладить коммуникацию с обеими сторонами, заранее предупредив каждую сторону о социальных ролях и произведя коррекцию сценария поведения участников проекта. «Структура социальной ситуации в благотворительности включает распределение ролей, стандартные социально-ролевые предписания (и взаимные ожидания), сценарные последовательности, гибкие правила и нормы отношений» [3]. Распределение ролей соотносит участвующие стороны. Социально-ролевые предписания говорят о том, «как надлежит действовать человеку, занявшему ту или иную ролевую позицию. Они же составляют и основу взаимных ожиданий участников друг к другу. Представляют собой готовые шаблоны действий» [3].

4. Принадлежность сторон к разным культурам.

Еще одна проблема, осложняющая межличностные коммуникации в международных благотворительных проектах, – это принадлежность участников к разным культурам. Фрейд восприятия «своей-чужой» имеет сильный деструктивный эффект, активизирует ксенофобию и негативные расовые стереотипы.

С точки зрения семиотики, основная функция которой – это показать, как создается значение в социальном контексте, благотворительность – это понятие, в которое вкладывается в принципе общий смысл – помогать нуждающимся, однако ввиду культурных, социальных, классовых различий интерпретация данного понятия все-таки различна, а это предполагает, что значение данного термина не создается человеком, а является объектом разного понимания, интерпретации, смысла.

Людям, работающим в сфере благотворительности, а также объектам их деятельности следует задуматься, как стороны, вовлеченные в процесс благотворительной деятельности, будут реагировать на то или иное действие со стороны той или иной стороны. Разумеется, действие, направленное на улучшение жизни другого, само по себе праведное, однако не всегда оно несет ожидаемые реакции с другой стороны.

Благотворительность как вид дарения является определяющим фактором отношений в социальной сфере для цивилизованного западного мира, в том числе он формирует как феномен социопсихологических отношений между дарителем и отдающим. Однако иногда в процессе дарения создается недопонимание между сторонами. Причиной могут быть различные картины мира, о которых мы говорили ранее, когда благотворители, ввиду отсутствия конкретных знаний о культуре и социальной группе нуждающихся, ведут себя таким образом, что у последней формируется представление о благотворителях как о «чужих», не помогающих им, а подносящих «троянского коня», или «отравленный дар» [12].

Феномен отравленного дара впервые описал М. Мосс, социальный антрополог. Ученый рассматривает феномен меновой торговли у полинезийцев и коренных жителей Америки, что входило в

их систему обрядов: «Эти поставки и ответные поставки осуществляются преимущественно и добровольной форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба» [12]. Примечательно, что в данной ситуации обмена дарами важную роль играет завуалированный принцип соперничества при процессе дарения, несущий разрушение вместо предполагаемого положительного знака внимания и расположения другой стороны. По М. Моссу, если племя не отдарилось, то данный дар должен им отомстить. Следовательно, между сторонами происходит одновременно и соединение, и отчуждение. Таким образом, процесс дарения и отдаривания взаимосвязаны, отдариться – значит, избавить свой народ от кары. Этот принцип применим и к некоторым представителям благотворительных организаций и их реципиентам, которые хотят показать, что они выше дара, который преподносят благотворители, что понятие чести одариваемых выше, чем сам дар. Таким образом, у тех, кому преподносится дар, возникает чувство отчуждения, когда они, понимая, что не смогут отдариться, начинают испытывать негативные эмоции к дарителю. В свою очередь, даритель, отдавая пожертвование, возможно, ждет что-то от своей помощи, как, например, благодарности за свои деяния или признания. Так, например, при социологическом опросе о благотворительности при ответе на вопрос, как государству стимулировать российское общество к благотворительности, некоторые ответы были следующими: «Награждать, заинтересовать людей моральными стимулами, благодарность от государства, поощрять жертвователей, премии, медали, награды, благодарность, прослеживать работу и награждать самых лучших...» [11].

Таким образом, в связи с влиянием принципа «потлача», или «отравленного дара», при котором одариваемый и даритель находятся в неприятных отношениях, благотворительность искажает свою истинную цель – безвозмездно помогать нуждающимся слоям общества. Происходит конфликт ценностей, когда ролевые ожидания у обеих сторон оказываются неверными. Также губительную роль играет архетипическое ощущение того, что пока одариваемый не отдарился, даритель, преподнеся ему подарок, отдает часть своей души, и пока одариваемый не вернет ему что-то взамен, даритель имеет мистическую власть над ним. Поэтому необходимо выяснить ценностные ориентации целевой аудитории, т.е. тех, к кому будет обращена благотворительная акция, к примеру. Интересно заметить, что в Западных странах сильно развиты частные небольшие пожертвования, даже благотворительные акции направлены на то, чтобы собрать небольшое количество денег с каждого гражданина, а не баснословные суммы, которых у многих даже нет. Так, например, в 2012 г. в Лондоне проходила акция от одной благотворительной организации, которая присылала конверты в дома людей, где находилось письмо, рассказывающее, какому именно ребенку и на какую часть одежды они собирают.

Также в конверте находился маленький картонный кошелек с тремя прорезями для трех фунтов, которые организация просила выслать на указанный в конверте адрес. Что же касается России, то дар несет в себе в русском менталитете духовный и материальный аспект: «Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь», но «дорогая» любовь находит выражение в обязательно «дорогом» подарке. Дорого не в денежном исчислении, а в своей материальной полезности (скатерть-самобранка, сумка с волшебной дубиной и пр.) Но одновременно подарок в народном сознании стоит выше товара. Он не покупается, его нельзя оценить ни деньгами, ни золотом. «Этому полотну, царь-батюшка, цены нет! Я тебе его в дар принесла!» Сочетание «пользы» и «любви» – характерная черта народного подарка» [18]. Данная концепция дара может быть очень полезна для благотворителей. Нам кажется, что для некоторых благотворителей важен результат их пожертвований, как, например, купленный бедняком бутерброд или теплое детское одеяло для ребенка из детдома. Ведь цель благотворительности – помочь нуждающемуся, поэтому важен результат данной помощи, оказанной с любовью. Поль-

за и любовь – два качества, помогающие благотворительности эффективно функционировать. Эти понятия связаны с моральными принципами жизни и функционирования общества.

Таким образом, хоть социальные конфликты и неизбежны, они являются своеобразной платформой для налаживания продуктивного взаимодействия между группами, вовлеченными в благотворительный акт, показывая, какие проблемы данные группы имеют, и указывая на возможные пути их решения.

Библиографический список

1. Бурдые, П. Формы капитала [Электронный ресурс] / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – Режим доступа : http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения : 12.05.2017).
2. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М. : ЧеРо, 1997. – С. 118.
4. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель. – Киев : Ника-центр, 2006. – С. 80.
5. Ильин, Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2013. – С. 23–24.
6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : ЛКИ, 2008. – С. 41.
7. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – М. : Эксмо, 2015. – С. 14.
8. Козер, Л. Функции социального конфликта [Электронный ресурс] / Л. Козер. – М. : Идея-Пресс, 2000. – Режим доступа : <https://www.hse.ru/data/2010/11/02/.../Козер-%20функции%20конфликта.doc> (дата обращения : 23.05.2017).
9. Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. – М. : Либроком, 2012. – С. 116.
10. Кули, Ч. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Кули. – М. : Идея-Пресс, 2000. – С. 155.
11. Мерсиянова, И. В. Практики филантропии в России : вовлеченность и отношение к ним населения [Электронный ресурс] / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон. – Режим доступа : <http://www.hse.ru/data/176/302/1225/monitoring.pdf> (дата обращения : 22.09.2017).
12. Мосс, М. Очерк о даре [Электронный ресурс] / М. Мосс. – Режим доступа : http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf (дата обращения : 29.04.2017).
13. Неклесса, А. И. Сложный человек в сложном мире [Электронный ресурс] / А. И. Неклесса // Сети, когнитивная наука, управление сложностью, философия и синергетика. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/philosophy/slozhnyj-chelovek-v-slozhnom-mire/3/> (дата обращения : 21.08.2017).
14. Парсонс, Т. О структуре социального действия [Электронный ресурс] / Т. О. Парсонс. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/09.php (дата обращения : 12.04.2015).
15. Парсонс, Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения [Электронный ресурс] / Т. О. Парсонс // Prentice-Hall. – 1966. – Режим доступа : http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf (дата обращения : 25.05.2017).
16. Соколов, С. В. Социальная конфликтология : учеб. пособ. для вузов / С. В. Соколов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 327 с. – ISBN 5-238-00242-4.
17. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев. – Режим доступа : <http://vehi.net/soloviev/oprav/index.html> (дата обращения : 21.03.2017).
18. Старых, Н. В. Культура дарения : от архаических ритуалов до современных промоушен акций [Электронный ресурс] / Н. В. Старых // Вестник Московского Университета. Серия 10 «Журналистика». – 2002. – № 3. – Режим доступа : https://istina.msu.ru/media/publications/articles/3be/ae/572667/Staryih_N.V._Kultura_dareniya_ot_arhaicheskikh_ritualov_do_sovremennyih_promoushn_-_aktsij.rtf (дата обращения : 25.05.2017).
19. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – М. : Смысл, 2003. – С. 717–788.
20. Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы [Электронный ресурс] / Сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина; под ред. В. В. Петрова. – Режим доступа : <http://socioline.ru/book/yazyk-i-modelirovanie-sotsialnogo-vzaimodejstviya-perevody> (дата обращения : 10.03.2011).

21. Batson, Daniel C. Empathy-Induced Altruistic Motivation [Electronic resource] / D. Batson. – 2008. – Mode of access : <http://portal.idc.ac.il/en/symposium/herzliyasymposium/documents/dcbatson.pdf> (accessed date : 25.12.2017).
22. Lindenberg, S. Prosocial Behavior, Solidarity, and Framing Processes [Electronic resource] / S. Lindenberg, D. Fetchenhauer, A. Flache // *Solidarity and Prosocial Behavior : An Integration of Sociological and Psychological Perspectives*. – XV. – 2006. – Mode of access : http://content.schweitzer-online.de/static/catalog_manager/live/media_files/representation/zd_std_orig_zd_schw_orig/001/795/420/9780387280318_other_pdf_1.pdf (accessed date : 14.12.2016).
23. Putnam, Robert D. Tuning In, Tuning Out : The Strange Disappearance of Social Capital in America [Electronic resource] / Robert D. Putnam // *PS : Political Science and Politics*. – 1995. – Pp. 664–683. – Mode of access : <http://www.uvm.edu/~dguber/POLS293/articles/putnam1.pdf> (accessed date : 13.05.2017).